

В. И. Петрушко

Проблема иерархического возглавления Русской Церкви в контексте межкняжеских отношений после монгольского завоевания Руси

УДК 94(470)+271.2-9
DOI 10.47132/1814-5574_2024_2_215
EDN PJXUXD

Аннотация: В статье освещается вопрос о высшем иерархическом управлении в Русской Церкви в условиях, сложившихся после завоевания Руси монголами в сер. XIII в. Рассматриваются попытки наиболее влиятельных русских князей выдвинуть в качестве первоиерарха Русской Церкви (митрополита или местоблюстителя митрополичьего престола) своего кандидата, с тем чтобы в дальнейшем опереться на его поддержку в политической борьбе со своими соперниками. В статье выдвинут ряд новых предположений, касающихся особенностей государственно-церковных отношений на Руси в сер. XIII в., а также уточнены обстоятельства, повлиявшие на трансформацию политической линии и религиозной политики митр. Кирилла II.

Ключевые слова: Русская Церковь, Русская митрополия, митрополит Кирилл II, епископ Белгородский Петр, епископ Угровский Иоасаф, князь Михаил Всеволодович Черниговский, князь Даниил Романович Галицкий, великий князь Владимирский Ярослав Всеволодович, святой великий князь Владимирский и Киевский Александр Ярославич Невский.

Об авторе: **Владислав Игоревич Петрушко**

Доктор церковной истории, кандидат исторических наук, профессор Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета.

E-mail: vp@sedmitza.ru

ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-1542-5546>

Для цитирования: Петрушко В. И. Проблема иерархического возглавления Русской Церкви в контексте межкняжеских отношений после монгольского завоевания Руси // Христианское чтение. 2024. № 2. С. 215–234.

Статья поступила в редакцию 30.01.2024; одобрена после рецензирования 24.02.2024; принята к публикации 18.03.2024.

KHRISTIANSKOYE CHTENIYE
[Christian Reading]

Scientific Journal
Saint Petersburg Theological Academy
Russian Orthodox Church

No. 2

2024

Vladislav I. Petrushko

**The Problem of Hierarchical Leadership of the Russian Church
in the Context of Inter-Princely Relations
after the Mongol Conquest of Rus'**

UDK 94(470)+271.2-9
DOI 10.47132/1814-5574_2024_2_215
EDN PJXUXD

Abstract: The article discusses the issue of higher hierarchical government in the Russian Church in the conditions developed after the conquest of Rus' by the Mongols in the middle of the 13th century. Considered are the attempts of the most influential Russian princes to nominate their candidate as the first hierarch of the Russian Church (metropolitan or locum tenens of the metropolitan see) to be able to rely on his support in political struggle with their rivals. A number of new assumptions are put forward regarding the peculiarities of State – Church relations in Rus' in the middle of the 13th century. The circumstances that influenced the transformation of the political line and religious policy of Metropolitan Kirill II are also clarified.

Keywords: Russian Church, Russian Metropolis, Metropolitan Kirill II, Bishop Peter of Belgorod, Bishop Joasaph of Ugrov, Prince Mikhail Vsevolodovich of Chernigov, Prince Daniil Romanovich of Galich, Grand Prince (Duke) of Vladimir Yaroslav Vsevolodovich, Grand Prince of Vladimir and Kiev St. Alexander Yaroslavich Nevsky.

About the author: **Vladislav Igorevich Petrushko**

Doctor of Church History, Ph.D. in History, Professor at Saint Tikhon's Orthodox University for the Humanities.

E-mail: vp@sedmitza.ru

ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-1542-5546>

For citation: Petrushko V. I. The Problem of Hierarchical Leadership of the Russian Church in the Context of Inter-Princely Relations after the Mongol Conquest of Rus'. *Khristianskoye Chteniye*, 2024, no. 2, pp. 215–234.

The article was submitted 30.01.2024; approved after reviewing 24.02.2024; accepted for publication 18.03.2024.

О том, как в условиях монгольского завоевания Руси в сер. XIII в. решался вопрос о высшем управлении Русской Церковью, неоднократно писали и отечественные, и зарубежные историки¹. Попытка поместить данную проблему в максимально широкий контекст как внутривнутриполитической борьбы на Руси в сер. XIII в., так и международных отношений того времени была предпринята П. И. Жаворонковым [Жаворонков, 1982, 81–89]. Однако обрисованная им картина получилась весьма неполной по причине игнорирования многих важных фактов, и сильно искаженной ввиду бездоказательного использования автором целого ряда утверждений, достоверность которых вызывает большие сомнения². Кроме того, за более чем четыре десятилетия, прошедших со времени выхода указанной публикации, в научный оборот были введены многие дополнительные источники, позволяющие по-новому взглянуть на указанную проблему, чему и посвящена предлагаемая статья.

* * *

После монгольского завоевания Руси со страниц летописей полностью исчезает имя митрополита Киевского грека Иосифа, возглавившего Русскую митрополию в 1236 г. и прибывшего на Русь буквально накануне Батыева нашествия (ПСРЛ I, 1997, 514; НПЛ, 1950, 74; 285); [Щапов, 1989, 54; Поппэ, 1996, 467]. Представляется, что, если бы первоиерарх Русской Церкви погиб во время взятия Киева монголами в кон. 1240 г., данный факт, исключительный по своей важности, все же был бы отмечен русскими летописцами. Однако их красноречивое молчание по поводу дальнейшей судьбы митрополита-грека позволяет считать, что митр. Иосиф, скорее всего, заблаговременно покинул Русь, предвидя скорое падение Киева.

Между тем, как видно из летописных свидетельств, в домонгольский период в Русской Церкви особым статусом обладала Белгородская епископская кафедра. На это указывает прежде всего то, что в константинопольском перечне епископов Русской Церкви, составленном в кон. XII в., Белгородская епископия (Πελοῦράδων) указана прежде Новгородской архиепископской кафедры [Dargouzes, 1981, 367]. Уже Е. Е. Голубинский признавал за Белгородскими епископами статус «викария и помощника» Русского митрополита [Голубинский, 1901, 669]. Я. Н. Щапов обоснованно указывал на то, что Белгородский архиерей не только помогал митрополиту, но и заменял первоиерарха Русской Церкви в его отсутствие [Щапов, 1989, 36; Щапов, Беляев, 2002, 505–506]. А. В. Назаренко считал возможным говорить о еще более значимой роли Белгородского владыки в домонгольский период [Назаренко, 2015, 67–76].

Можно провести некоторую параллель между статусом Белгородского епископа в домонгольский период и аналогичным положением Крутицкого (иначе Сарского и Подонского) архиерея при митрополите (а затем и патриархе) Всея Руси в XV–XVII вв. [Печников и др., 2015, 66–86]. Характерно, что оба иерарха — и Белгородский, и Крутицкий — одновременно обладали как статусом епархиального архиерея, так и викарного епископа при предстоятеле Русской Церкви. Не исключено, что именно

¹ Историография данного вопроса столь обширна, что потребовала бы отдельного большого исследования, в связи с чем ограничимся лишь упоминанием наиболее значимых работ, цитируемых далее по тексту.

² Как пример ничем не обоснованных утверждений П. И. Жаворонкова можно привести его мнение о том, что митр. Кирилл II после своего поставления на митрополию прибыл на Русь в 1250 г., а Петр Акерович «навсегда остался во Франции». Столь же фантастическим является утверждение о пребывании прусского архиеп. Альберта в Галицком княжестве, где кн. Даниил Романович якобы «хорошо встретил папского легата», тогда как в реальности известно лишь о факте назначения архиеп. Альберта легатом папы Иннокентия IV, но нет никаких данных о его приезде в пределы Западной Руси. Также в статье П. И. Жаворонкова отождествляется политический курс св. кн. Александра Невского и его брата кн. Андрея Ярославича и полностью игнорируется факт сближения последнего с кн. Даниилом Романовичем Галицким.

каноническая практика, связанная со спецификой статуса Белгородских епископов, могла в дальнейшем повлиять на формирование особого положения Крутицкого архиерея при Московском первосвященнике.

Таким образом, если митр. Иосиф успел покинуть Киев до его падения, он мог официально указать на Белгородского епископа как на своего временного заместителя. Однако даже если этого не произошло, в соответствии со сложившимися в XI–XIII вв. особенностями канонического устройства Русской митрополии Белгородский епископ в случае, если он уцелел в ходе Батыева нашествия, имел все основания для того, чтобы в условиях отсутствия митрополита возглавить Русскую Церковь на правах временного местоблюстителя Киевского митрополичьего престола.

Древнерусские летописные источники не упоминают имени Белгородского архиерея времени монгольского нашествия на Русь. Однако его имя донесли до нас западноевропейские источники. «Великая хроника» монаха аббатства св. Альбана близ Лондона Матфея Парижского (†1259) сообщает, что в конце июня 1245 г. на Первом Лионском соборе, созванном папой Римским Иннокентием IV, выступил *«архиепископ из Руси, по имени Петр»*, который рассказал о бедственном положении Русской земли после монгольского нашествия (Матузова, 1979, 124–126; 151–153). Сообщение «Великой хроники» Матфея Парижского подтверждают Бертинские анналы — памятник кон. XIII в., где также упоминается *«Русский архиепископ Петр»* и отмечается, что он *«присутствовал при богослужении»* латинских епископов во главе с папой Иннокентием IV, *«облаченный в священные одежды, но не такого вида, как у них»* (Матузова, 1979, 177–182).

Нельзя однозначно утверждать, что «архиепископ Петр» сослужил с католическими иерархами и вступил с ними в евхаристическое общение — возможно, что он лишь присутствовал на мессе (как это, собственно, и отмечает западный хронист), но не сослужил латинянам. Причем из указанного текста вообще неясно, был ли «архиепископ Петр» в литургическом облачении, или же на нем просто была повседневная одежда, соответствующая его сану.

Украинский униатский историк С. Томашевский предположил, что упоминаемый Матфеем Парижским *«Petrus archiepiscopus Russiae»* — это бывший игумен монастыря Спаса на Берестове в Киеве Петр Акеревич (ПСРЛ I, 1997, 514), позднее ставший епископом³ и затем якобы признанный католическим митрополитом Киевским. Томашевский также впервые высказал мнение о том, что «архиепископ Петр» выступал на Первом Лионском соборе от лица кн. Михаила Черниговского [Томашевский, 1927, 221–313]. Несмотря на то, что гипотеза Томашевского была слабо обоснована, мнение о тождестве «архиепископа Петра» из западных хроник и игум. Петра Акеревича в целом получило признание у многих историков, за исключением фантастической версии о «католическом митрополите Киевском» [Карташев, 1991, 293; Пашуто, 1968, 284–286; Рамм, 1959, 149–150; Горский, 2006, 138–154; Соколов, 2006, 3–7]. При этом большинство авторов были склонны считать «архиепископа Петра» нареченным митрополитом, тогда как Т. Р. Галимов полагает, что архиеп. Петр был полноправным предстоятелем Русской Церкви [Галимов, 2019, 114–116]⁴.

В то же время украинский историк И. В. Паславский считает, что «архиепископ Петр» был Галицким епископом, которого направил на Собор в Лион кн. Даниил Романович Галицкий [Паславский, 2013, 75–87]. Однако современным указанным событиям Галицкий епископ по имени Петр ни в каких источниках не упоминается. Известно, что как минимум до 1242 г. на Галицкой кафедре находился еп. Артемий. Постановление же на Галицкую епископию нового архиерея к 1245 г. было невозможно, так как легитимного митрополита Киевского не было вплоть до 1247 г., когда на вакантную с 1240 г. Русскую митрополию в Никее был поставлен митр. Кирилл II.

³ Предположительно, в Галиче, Перемышле, Белгороде или Юрьеве (Каневе).

⁴ К сожалению, в пользу этого мнения автор не приводит никаких убедительных доказательств, лишь констатируя, что «проблема того, почему же имя Петра не вошло в список киевских первосвященников, остается неразрешенной».

А. П. Толочко, отвергая тождество «архиепископа Петра» с игум. Петром Акеровичем, видел в нем ставленника вел. кн. Владимирского Ярослава Всеволодовича на кафедре Русского митрополита, альтернативного митр. Кириллу II, которого выдвинул кн. Даниил Романович Галицкий [Толочко, 1990, 45–54].

Ставленником кн. Ярослава Всеволодовича считает «архиепископа Петра» и А. В. Майоров, приписывая, однако, безо всяких на то оснований, инициативу переговоров еп. Петра с папой Римским Иннокентием IV в Никее [Майоров, 2021, 5–24]. Между тем известно, что Константинопольский патриарший престол (с центром в Никее) оставался вакантным с 1240 по 1244 г. [Луховицкий, 2016, 386–387]. Но если, как считает А. В. Майоров, еп. Петр оказался при папском дворе уже в 1244 г., то, следовательно, в Никее наделить его полномочиями для ведения переговоров с Римским папой было некому. Столь же необоснованным представляется и мнение А. В. Майорова о том, что через еп. Петра кн. Ярослав Всеволодович якобы пытался побудить папу Римского к «мирным переговорам» с монголами. При этом на данном шатком основании, состоящем исключительно из цепи предположений, но не фактов, исследователь делает вывод о «готовности Ярослава Всеволодовича к подчинению Римской церкви» [Майоров, 2021, 5–24].

Между тем в 2001 г. финским исследователем А. Руотсала был обнаружен в кодексе, происходящем из Гарстенского монастыря (Австрия), и введен в научный оборот еще один, третий по счету, текст, содержащий упоминание о присутствии на Первом Лионском Соборе «Русского архиепископа» Петра [Ruotsala, 2001, 154]. Основываясь на этом тексте, датированном XIV в., эстонский историк Анти Селарт убедительно показал, что указанную в данном источнике титуляцию русского архиерея — «*Petrus archiepiscopus de Belgrab in Ruscia*» — следует читать как «*de Belgrad*». То есть речь идет об искаженном латинским переписчиком наименовании Белгородской кафедры Русской митрополии и, следовательно, «архиепископ Петр» западных хроник в реальности являлся Белгородским архиереем [Селарт, 2011, 100–113].

А. В. Назаренко, отталкиваясь от упоминаний «архиепископа Петра» в западных хрониках и полностью принимая мнение Анти Селарта относительно тождества еп. Петра с Белгородским архиереем, приходил к весьма смелому, хотя и слабо аргументированному выводу о том, что после 1165 г., в ситуации, когда за Новгородскими архиереями закрепился сан архиепископа, а на Ростовской кафедре имел место прецедент возведения в сан архиепископа владыки Леонта, Белгородская кафедра также получила достоинство архиепископии. По мнению Назаренко, она являлась таковой на протяжении 2-й пол. XII — 1-й пол. XIII вв. [Назаренко, 2015, 67–76].

Однако в пользу версии об архиепископском статусе Белгородской кафедры имеется лишь два свидетельства: упоминание Белгородской кафедры на первом месте в константинопольском перечне епископий Русской Церкви (что, правда, может объясняться лишь тем, что Белгородская епископия хронологически появилась раньше Новгородской) и именование Петра Белгородского в западных хрониках архиепископом. Между тем ни одного упоминания Белгородской кафедры как архиепископии в древнерусских источниках не содержится. И хотя А. В. Назаренко призывал не смущаться этим обстоятельством [Назаренко, 2015, 67–76], все же не считаться с данным фактом весьма трудно.

Более соответствующим действительности представляется иное объяснение того факта, что Петр Белгородский фигурирует в латинских источниках как архиепископ. Западные хроники могли приписать ему титул архиепископа как отражающий его реальный и вполне легитимный статус временного первоиерарха Русской Церкви. Тем более что в западной традиции именно саном архиепископа, а не митрополита, как правило, обладали примасы местных Церквей.

Однако если статус владыки Петра как местоблюстителя Русской митрополии сомнений не вызывает, то гипотеза Томашевского о том, что на Первом Лионском соборе «архиепископ Петр» выступал от имени кн. Михаила Черниговского, все же требует дополнительного обоснования.

В период, последовавший за монгольским нашествием на Русь, три сильнейших русских князя — Ярослав Всеволодович Владимирский, Михаил Всеволодович Черниговский и Даниил Романович Галицкий — продолжили борьбу между собой, начатую ими еще до вторжения Батыя. Однако теперь она протекала уже по большей части не как прежде — за обладание Киевом, полностью разоренным и уже мало что значившим в политическом и экономическом смысле, а за главенство среди князей, определяемое исходя из иных критериев.

Как известно, Ярослав Всеволодович, севший на княжение в Киеве в 1236 г., покинул его уже в нач. 1238 г. После гибели своего старшего брата кн. Юрия Всеволодовича кн. Ярослав занял его место и сел на княжение во Владимире на Клязьме (ПСРЛ I, 1997, 467). В связи с этим кн. Ярослав на некоторое время выбыл из борьбы с кн. Даниилом и кн. Михаилом, сосредоточившись на приведении в порядок дел в Северо-Восточной Руси⁵. После отъезда кн. Ярослава Всеволодовича из Киева весной 1238 г. там сел на княжение Михаил Всеволодович Черниговский. В 1239 г. кн. Михаил приказал убить прибывших к нему в Киев монгольских послов, но вскоре после этого бежал в Венгрию (ПСРЛ XV (2), 2000, 374; ПСРЛ XXV, 1949, 131). В том же 1239 г. монголы захватили его родовой Чернигов (ПСРЛ I, 1997, 469). Киев же занял кн. Даниил Романович Галицкий, который оставил своим наместником в городе боярина Дмитра, а сам вскоре также уехал в Венгрию и затем в Польшу (ПСРЛ II, 1998, 782). Дмитр в дальнейшем покинул разоренный монголами Киев и ушел вместе с ними воевать против Венгрии (ПСРЛ II, 1998, 786). После этих событий кн. Даниил Романович не выказывал стремления восстановить свою власть в уничтоженном городе. Косвенно о том, что Киев перестал представлять для кн. Даниила ценность в политическом отношении, может свидетельствовать вывоз им оттуда в свою новую столицу Холм древних святынь, которые галицкий князь считал своими родовыми (ПСРЛ II, 1998, 844).

Единственным, кто после монгольского разорения вновь заявил о своих притязаниях на Киев, был кн. Михаил Всеволодович Черниговский. Он вернулся на Русь вскоре после ухода монголов. В отличие от более молодых и более дальновидных кн. Ярослава и кн. Даниила, кн. Михаил Всеволодович строил иллюзорные планы добиться главенства среди русских князей, по инерции отталкиваясь от обладания Киевским престолом. Вероятно, он не сразу осознал, что овладение былой столицей Руси, полностью разрушенной и обезлюдившей, не дает ему никаких преимуществ перед соперниками.

В сер. 1241 г. кн. Михаил Черниговский приехал в Киев. При этом он был вынужден поселиться не в самом городе, представлявшем собой, по сути, гигантскую братскую могилу, а на одном из островов на Днепре (ПСРЛ II, 1998, 789). И все же немолодой (а по меркам того времени — почти престарелый) князь не терял надежды, закрепившись в Киеве, Чернигове и, как он еще надеялся, Галиче, а также заручившись поддержкой венгерского короля Белы IV, дать отпор как монголам, так и своим политическим соперникам из числа русских князей.

Представляется наиболее вероятным, что именно в период пребывания кн. Михаила Черниговского в Киеве и могли сложиться тесные отношения между ним и вступившим во временное управление делами Русской митрополии епископом Белгородским Петром. По сути, кн. Михаил Всеволодович был единственным в сложившихся условиях представителем княжеской власти, связанным с Киевом, на кого еп. Петр мог опереться в своей деятельности на посту местоблюстителя Русской митрополии,

⁵ Сообщение Лаврентьевской летописи о том, что «Ярославъ иде г Каменьцю, градъ взя Каменець, а княгыню Михаилову со множеством полна приведе в своя си» (ПСРЛ I, 1997, 469) с очевидностью не может быть отнесено к кн. Ярославу Всеволодовичу, как это часто можно встретить в литературе [Кузьмин, Преображенский, 2017, 706–725], так как абсолютно невероятно, чтобы он в условиях монгольского нашествия мог совершить поход из Владимира на Клязьме на Волынь, где находился летописный Каменец (ныне — Камень-Кашинский, Волынская область, Украина). Данное летописное сообщение, скорее всего, относится к кн. Ярославу Ингваревичу, имевшему удел на Волыни.

что делало их союз не просто закономерным, но и безальтернативным. Это также позволяло еп. Петру надеяться, что в случае успешного закрепления кн. Михаила Всеволодовича в Киеве Белгородский владыка из временного первоиерарха Русской Церкви в дальнейшем может превратиться в ее полноценного митрополита.

Однако попытки кн. Михаила Черниговского добиться доминирования среди русских князей в обход новой монгольской власти натолкнулись на столь же решительные, сколь и прагматичные действия князя кн. Ярослава Всеволодовича, который, напротив, в поисках главенствующего положения на Руси решил опереться на монгольских завоевателей.

В 1243 г. кн. Ярослав *«поеха в Татары к Батыеве, а сына своего Костянтина посла къ канови»* (ПСРЛ I, 1997, 470), то есть в столицу Монгольской империи — Каракорум. Положение кн. Ярослава существенно облегчалось тем обстоятельством, что он лично не воевал против монголов, не пытался оказать им сопротивления и максимально быстро признал их власть над Русью. Результат таких действий кн. Ярослава был закономерен: *«Батыи же почти Ярослава великого честию и мужи его и отпусти и рече ему: Ярославе буди ты старейи всем князем в Русском языке. Ярослав же възвратися в свою землю с великою честию»* (ПСРЛ I, 1997, 470).

Фактически кн. Ярослав получил от Батыея официальное подтверждение своего главенствующего положения среди русских князей, что в дальнейшем выразилось в закреплении за владимирским князем титула великого князя. Следует отметить, что в литературе утвердилось мнение о том, что по воле Батыея кн. Ярослав Всеволодович якобы получил не только владимирский, но и киевский престол. Между тем прямых сообщений об этом в летописях или иных источниках не сохранилось. Вывод о принадлежности Киева кн. Ярославу делается исключительно на основании сообщения Ипатьевской летописи о наличии в Киеве в кон. 1245 г. наместника кн. Ярослава в лице Димитра Ейковича (ПСРЛ II, 1998, 806), а также по аналогии с тем статусом, который как великий князь Владимирский и Киевский позднее имел сын кн. Ярослава — св. кн. Александр Ярославич Невский. Таким образом, представляется более вероятным, что киевский престол не был передан монголами в руки кн. Ярослава одновременно с получением им от Батыея старейшинства среди русских князей. Скорее всего, кн. Ярослав попытался утвердить свою власть в Киеве позднее, что, как видно из летописного сообщения, ему удалось сделать к кон. 1245 г., поставив в городе своего наместника.

Следует признать, что если бы кн. Ярослав утвердил свою власть в Киеве ранее 1245 г., то епископ Белгородский Петр должен был бы действовать в политическом русле великого князя Владимирского, безоговорочно признавшего над собой главенство монголов. Но участие еп. Петра Белгородского в Лионском соборе 1245 г. и предпринятые им попытки обрести на Западе военную помощь против монголов уверенно свидетельствуют об обратном, так как полностью противоречат политической линии кн. Ярослава. По этой причине мнение А. П. Толочко о том, что в Лионе «архиепископ Петр» представлял кн. Ярослава Всеволодовича, не может быть принято.

По той же причине нельзя признать достоверным свидетельство папы Иннокентия IV о том, что после общения с Плано Карпини вел. кн. Ярослав Всеволодович под влиянием итальянского францисканца якобы принял католичество. Об этом папа Иннокентий IV писал св. кн. Александру Ярославичу Невскому в своем послании от 23 января 1248 г. (Матузова, Назарова, 2002, 262–267), призывая его последовать примеру отца. В то же время в своей «Истории Монгалов» Плано Карпини неоднократно упоминает о встречах с кн. Ярославом Всеволодовичем, но о его переходе в католичество ничего не сообщает, хотя, казалось бы, должен был непременно упомянуть о своем столь заметном миссионерском успехе.

Сообщение папы Иннокентия IV о переходе кн. Ярослава Всеволодовича в католицизм не может считаться достоверным и по той причине, что оно прямо противоречит логике. Поддержка со стороны папы Римского не могла ничего дать кн. Ярославу, который строил свой политический курс на признании своей зависимости

от монголов. Присоединение кн. Ярослава Всеволодовича к Римской Церкви в условиях, когда он искал утверждения своего главенства на Руси со стороны великого хана, явилось бы поступком не только абсурдным, но и самоубийственным на фоне безусловно известных монголам попыток папы Иннокентия IV организовать против них военный союз. Будучи искушенным и прагматичным политиком, кн. Ярослав Всеволодович не мог совершить столь опрометчивого шага, тем более что именно в направлении поиска помощи католического Запада действовали его политические соперники. Считать же, что переход кн. Ярослава в католицизм мог быть обусловлен чисто религиозными мотивами, не представляется возможным: едва ли несколько встреч князя с Плато Карпини могли совершить в его душе столь радикальный поворот и сделать его убежденным католиком.

Ответом кн. Михаила Черниговского на возвышение кн. Ярослава Владимирского стало его новое обращение за помощью к венгерскому королю, на союз с которым кн. Михаил Всеволодович сделал основную ставку. В том же 1243 г., когда монголы утвердили старейшинство кн. Ярослава, сын кн. Михаила Черниговского Ростислав женился на дочери Белы IV Анне и обосновался в Венгрии (ПСРЛ II, 1998, 794–795). В 1244 г. сам Михаил Всеволодович снова побывал в Венгрии в надежде заручиться поддержкой венгерского короля (ПСРЛ II, 1998, 795). Князь Михаил вел переговоры с Белой IV о создании коалиции против монголов и одновременно рассчитывал на помощь короля кн. Ростиславу, который, став зятем Белы, намеревался утвердиться в Галицком княжестве. Как видно из уже упомянутого факта участия епископа Белгородского Петра летом 1245 г. в Первом Лионском соборе, кн. Михаил Всеволодович привлек его к попыткам организовать сопротивление монголам с помощью папы Римского Иннокентия IV и западноевропейских монархов.

Следует отметить, что в своей церковной политике кн. Михаил Черниговский выбрал довольно грамотную линию. Делая ставку на еп. Петра, он, очевидно, учитывал, что Белгородский архиерей, являясь временным, но вполне законным местоблюстителем Русской митрополии, сможет оказывать влияние и на других русских епископов в выгодном для кн. Михаила Всеволодовича русле. При этом можно было надеяться, что нахождение еп. Петра во главе Русской Церкви будет достаточно продолжительным, даже если ему в дальнейшем и не удастся стать полноправным митрополитом: Константинопольский патриарший престол (с центром в Никее), как уже отмечалось, оставался вакантным весьма долго, с 1240 по 1244 г.

Правда, вовлечение еп. Петра в контакты с католическим Западом могло поставить под вопрос его легитимность как митрополичьего местоблюстителя в глазах других иерархов Русской Церкви. В этой связи представляется, что еп. Петр, сознавая данное обстоятельство, имел дополнительные основания для того, чтобы воздержаться от сослужения с папой Римским и латинскими иерархами в Лионе. Так что повторимся: присутствие Белгородского епископа на папской мессе отнюдь не означало, что он вступил в общение с главой Католической Церкви и тем самым фактически стал униатом.

С иерархическим влиянием Белгородского епископа на других епископов Русской Церкви, вовлеченных в политическую борьбу между русскими князьями, можно связать следующие события. Известно, что Галицкий епископ Артемий фактически возглавил оппозицию кн. Даниилу Романовичу и по этой причине в 1242 г. покинул свой кафедральный город вместе с сыном кн. Михаила Черниговского — кн. Ростиславом Михайловичем, которому ранее удалось сесть на княжение в Галиче (ПСРЛ II, 1998, 793). Кроме того, кн. Ростислав поддержал и епископ Перемышльский: известно, что после возвращения Перемышля под власть кн. Даниила Галицкого епископ и его люди подверглись репрессиям (ПСРЛ II, 1998, 793–794).

Позицию епископов Галицкого и Перемышльского обычно связывают с настроениями галицких бояр, традиционно выступавших против сильной княжеской власти и считавших кн. Ростислава Михайловича, опиравшегося на их поддержку, более слабым правителем, при котором им удалось бы сохранить свое привилегированное положение [Домбровский, 2006, 118–125]. Не отрицая в целом данной аргументации,

можно, тем не менее, предположить, что дополнительным фактором, повлиявшим на поддержку кн. Ростислава архиереями Галицкой Руси, могла стать их юрисдикционная подчиненность местоблюстителю Киевской митрополии епископу Белгородскому Петру, который, в свою очередь, был тесно связан с отцом кн. Ростислава — кн. Михаилом Черниговским.

В пользу данного предположения свидетельствует и то, что кн. Даниил Романович, очевидно, не желая признавать права еп. Петра Белгородского как местоблюстителя митрополичьего престола в силу его зависимости от политического соперника галицкого князя, выдвинул своего собственного кандидата на вакантную Киевскую митрополичью кафедру. Причем произошло это в то самое время, когда западнорусские епископы выступили против кн. Даниила Галицкого: митр. Кирилл II впервые упоминается в Ипатьевской летописи в качестве нареченного митрополита под 1242–1243 гг. (ПСРЛ II, 1998, 794).

Канонический статус митр. Кирилла II до его официального поставления на митрополию в летописных источниках обойден стороной. Однако очевидно, что на тот момент Кирилл не имел епископского сана. Вероятно, кн. Даниил Романович не считал возможным избрать своего кандидата на митрополию из числа епископов подвластных ему земель (Галицкого, Владимирского, Перемышльского и Угровского (Холмского)) прежде всего по той причине, что они, признавая местоблюстителем Киевской митрополии еп. Петра, также оказывались в той или иной степени зависимыми от кн. Михаила Черниговского. В силу этого кн. Даниил никого из них не мог считать полностью лояльными по отношению к себе.

Впрочем, не исключено, что один из епископов Западной Руси все-таки выступил на стороне галицкого князя и в связи с этим предпринял попытку «канонического бунта» против местоблюстителя Русской митрополии. Речь идет о епископе Угровском Иоасафе. Известно, что он пытался незаконно встать во главе Киевской митрополии в период монгольского нашествия на Русь. Несмотря на противоречивость летописного сообщения о противоканонических действиях еп. Иоасафа Угровского⁶, их датируют 1240–1241 гг. [Пидгайко, 2010, 185–186]. Однако попытка еп. Иоасафа возглавить Русскую Церковь закончилась неудачей — он не только не смог занять митрополичий престол, но и лишился Угровской кафедры, которая вскоре была перенесена в Холм: «*Пискуп Асаф во Угровськы скочи на стол митрополич и за то свержен бысть стола своего, и переведена бысть пискупья в Холм*» (ПСРЛ II, 1998, 740).

В. Т. Пашуто считал, что еп. Иоасаф Угровский попытался занять митрополичью кафедру в Киеве без ведома кн. Даниила Романовича, опираясь на поддержку галицких бояр, враждовавших с князем. По этой причине кн. Даниил, вернувшись на Русь, якобы изгнал еп. Иоасафа из Киева и сместил его с Угровской епископской кафедры [Пашуто, 1950, 228].

Однако на это мнение можно высказать ряд возражений. Прежде всего, трудно допустить, что архиерей недавно основанной самой западной епархии Русской Церкви мог предпринять столь радикальные действия в отношении Киевской митрополичьей кафедры целиком самостоятельно, не опираясь при этом на поддержку своего князя. Галицкие бояре, известные своим сепаратистским настроем, вряд ли могли помочь в этом еп. Иоасафу, тогда как кн. Даниил Романович, напротив, мог это сделать, считая Киев принадлежащим ему с тех пор, как он овладел городом в 1239 г. после бегства из Киева кн. Михаила Всеволодовича. Кроме того, летописное свидетельство вполне определенно говорит о низложении еп. Иоасафа и перенесении кафедры в Холм. Совершение такого рода действия, имеющие церковно-правовой характер, князь был не в состоянии. Князь Даниил Романович мог изгнать еп. Иоасафа из Угровска, но не низложить его. Тем более не было у князя полномочий переносить епископскую кафедру из одного города в другой.

⁶ Данный текст Галицко-Волынской летописи в составе Ипатьевского летописного свода, вероятно, пострадал при позднейшей переписке.

В связи с этим представляется более справедливым мнение Я. Н. Шапова о том, что еп. Иоасаф Угровский выдвинул притязания на Киевскую митрополию не вопреки воле Галицкого князя, а, напротив, при прямой поддержке кн. Даниила Романовича [Шапов, 1989, 189]. Действительно, у Угровского епископа, в отличие от Белгородскаго, не было никаких канонических оснований для занятия митрополичьего престола, в связи с чем его узурпаторские действия уместнее связать с политической инициативой галицкого князя. Именно кн. Даниил Романович своей волей мог попытаться объявить еп. Иоасафа Угровского нареченным митрополитом, как он впоследствии сделал это в отношении митр. Кирилла II. В таком случае логично предположить, что наиболее вероятной датировкой попытки кн. Даниила Романовича поставить на митрополию своего кандидата в лице еп. Иоасафа является период с кон. 1239 г., когда пал Чернигов⁷ и кн. Михаил Всеволодович бежал в Венгрию, до сентября 1240 г., когда монголы приступили к Киеву⁸. Следовательно, к этому времени митр. Иосифа в Киеве уже не было, что лишний раз подтверждает мнение о том, что греческий иерарх покинул Русь, а не погиб при взятии Киева Батыем.

Князь Михаил Черниговский, как уже отмечалось, вернулся в Киев в 1241 г. Поддержав епископа Белгородского Петра, кн. Михаил Всеволодович сделал своим политическим союзником этого, несомненно более легитимного, чем еп. Иоасаф Угровский, временного первоиерарха Русской Церкви и получил возможность через него влиять на других ее архиереев, в том числе даже на территории, подвластной кн. Даниилу Галицкому. Это также сделало возможным низложение еп. Иоасафа с Угровской кафедры, что, скорее всего, совершил именно еп. Петр Белгородский на правах местоблюстителя Киевской митрополии. Очевидно, что для этого ему понадобилось соборно принятое решение. Судя по тому, что в дальнейшем кн. Даниил Галицкий был вынужден искать нового кандидата на Киевскую митрополию, которого он нашел в лице митр. Кирилла II, решение о низложении еп. Иоасафа Угровского было воспринято в Русской Церкви как вполне законное с канонической точки зрения. Можно допустить, что еп. Петр Белгородский мог привлечь для суда над еп. Иоасафом Угровским как минимум епископов Галицкого и Перемышльського, враждебных кн. Даниилу Романовичу, а возможно, и каких-то других иерархов Русской Церкви. При этом противоканонические действия еп. Иоасафа — попытка узурпации митрополичьего престола — были столь очевидны, что судебное деяние в отношении Угровского епископа не могло быть оспорено и было воспринято на Руси как абсолютно легитимное.

В то же время вряд ли решение о перенесении епархиального центра из Угровска в Холм могло быть принято еп. Петром. И дело не только в том, что для столь важного шага у него как местоблюстителя было недостаточно полномочий, — решение о перенесении кафедры из одного города в другой могло потребовать не только санкции митрополита, но и последующего утверждения со стороны патриарха. Очевидно, что перемещение епископии в Холм, который стал новой столицей владений кн. Даниила Романовича, усиливало галицкого князя. Вряд ли еп. Петр и стоявший за ним кн. Михаил Черниговский пошли бы на подобную меру. Логичнее предположить, что решение о переносе епископской кафедры из Угровска в Холм принималось значительно позднее, когда законным митрополитом Киевским стал Кирилл II, то есть уже после 1247 г.

В связи с изложенным нельзя не задаться вопросом: если еп. Петр Белгородский добился низложения еп. Иоасафа Угровского, то почему с его стороны не последовало никакого прещения в отношении митр. Кирилла II, который, как уже было отмечено, в 1242–1243 гг. был объявлен кн. Даниилом Галицким нареченным митрополитом и также, с точки зрения местоблюстителя Русской митрополии, мог рассматриваться как узурпатор Киевской митрополичьей кафедры? Объяснить это можно лишь тем,

⁷ По данным ряда летописей — 18 октября 1239 г. (ПСРЛ V (1), 2003, 11; ПСРЛ V (2), 2000, 79; ПСРЛ XVI, 2000, 51).

⁸ По данным Летописи Авраамки — 5 сентября 1240 г. (ПСРЛ XVI, 2000, 51).

что митр. Кирилл в это время не был епископом и даже, возможно, вообще не имел священного сана.

Многие авторы отождествляли нареченного митр. Кирилла с известным по летописному упоминанию печатником кн. Даниила, который также носил имя Кирилл (ПСРЛ II, 1998, 791–792)⁹. Но против такого отождествления, казалось бы, свидетельствует сообщение летописи о том, что в 1241 г. печатник Кирилл по приказу кн. Даниила Романовича во главе его дружины принимал участие во взятии города Дядькова и разорении Болоховской земли, князья которой поддерживали монголов (ПСРЛ II, 1998, 792). Вряд ли подобные действия Кирилл мог предпринять, будучи священнослужителем. Но, если предположить, что в то время он не имел священного сана, это может объяснить как участие будущего митр. Кирилла в военных действиях, так и невозможность наказать его извержением¹⁰.

Тесный союз с кн. Михаилом Черниговским стал, как можно думать, главной причиной последующего краха еп. Петра. Бурная деятельность кн. Михаила Всеволодовича требовала значительных ресурсов, как финансовых, так и людских, а между тем его ресурсная база была сильно ограничена. Киев, где пытался утвердиться кн. Михаил, был практически уничтожен монголами, как и его родовой Чернигов. Оскудение Киевщины и Чернигово-Северского края подталкивало кн. Михаила Всеволодовича и его сына кн. Ростислава Михайловича к продолжению борьбы за Галицкое княжество, менее пострадавшее от монгольского разорения, быстрее начавшее от него оправляться и к тому же более близкое к Венгрии, на союз с которой рассчитывали черниговские князья. Но эти их масштабные планы полностью рухнули после того, как 17 августа 1245 г. кн. Ростислав Михайлович потерпел сокрушительное поражение от кн. Даниила Галицкого в битве под Ярославом (ПСРЛ II, 1998, 797).

Поражение было настолько тяжелым, что кн. Ростислав решил отказаться от возвращения на Русь и остался в Венгрии, где король Бела IV сделал его баном Славонии и Мачвы. Тем не менее кн. Михаил Всеволодович и после этих событий не оставил своих попыток удержать за собой Киев и Чернигов. Но теперь он понимал, что уже не в состоянии сделать это без санкции Батыя. Очевидно, что именно с этой целью осенью 1246 г. кн. Михаил Черниговский и направился в ставку правителя Улуса Джучи, но вскоре был там казнен (ПСРЛ I 1997, 471; Плано Карпини, 1957, 29). Почти одновременно с гибелью кн. Михаила Черниговского, 30 сентября 1246 г., в столице Монгольской империи Каракоруме был отравлен кн. Ярослав Всеволодович (ПСРЛ I, 1997, 471; Плано Карпини, 1957, 77), ставший жертвой противостояния между группировками Чингизидов и интриг ханши Туракины [Воротынцев, Галимов, 2023, 562–581].

Таким образом, если победа под Ярославом привела к тому, что кн. Даниил Романович стал безраздельным хозяином в Галицко-Волынской Руси, то уход из жизни его главных соперников — кн. Михаила Всеволодовича и кн. Ярослава Всеволодовича — сделал его самым могущественным на тот момент среди всех русских князей. Косвенно это признал король Венгрии Бела IV, прежде враждовавший с кн. Даниилом Романовичем, а теперь заключивший с ним военно-политический союз, скрепленный в кон. 1246 или нач. 1247 г. браком между сыном кн. Даниила Львом и Констанцией Венгерской, дочерью Белы (ПСРЛ II, 1998, 809).

Теперь, ощутив в полной мере свою силу, кн. Даниил осенью 1246 г. мог уже без каких-либо помех направить своего ставленника Кирилла II в Никею к патриарху

⁹ Впервые будущего митр. Кирилла II с печатником кн. Даниила Романовича Галицкого отождествил П. П. Соколов [Соколов, 1913, 159–192]. В дальнейшем это мнение широко распространилось в российской и зарубежной историографии и стало преобладающим [Приселков, 1996, 157; Stökl, 1966, 150–174; Жаворонков, 1982, 81–89; Творогов, 1987, 225–227; Флоря, Климкова, 2014, 547–551].

¹⁰ Впрочем, у еп. Петра в таком случае оставалась возможность отлучить Кирилла от Церкви как мирянина или вообще предать анафеме, однако, думается, что такое решение выглядело бы с его стороны слишком политизированным, а потому скандальным и к тому же нетипичным для Русской Церкви.

Мануилу II на поставление митрополитом (ПСРЛ II, 1998, 809). Показательно, что кн. Даниил Романович не решился сделать это до гибели кн. Михаила Всеволодовича и кн. Ярослава Всеволодовича, хотя Мануил стал патриархом в 1244 или даже 1243 г. [Луховицкий, 2016, 386–387]. Вероятно, при поставлении Кирилла на Киевскую митрополию Константинопольский патриарх мог учитывать не только то, что кн. Даниил Галицкий де факто был самым могущественным русским князем, но и то, что после гибели кн. Михаила и кн. Ярослава он мог и де юре позиционировать себя как киевский князь на том основании, что в прошлом владел Киевом. Следовательно, в реалиях Никейской империи кн. Даниил мог на тот момент восприниматься как верховный правитель Руси, имеющий право выдвигать своего кандидата на митрополию (подобно болгарскому царю или сербскому королю, которые в 1-й пол. XIII в. также присылали в Никею своих кандидатов на поставление в первоиерархи).

Таким образом, гибель кн. Михаила Черниговского и поставление Кирилла II на митрополию наряду с полной политической деградацией Киева окончательно поставили крест на дальнейшей карьере еп. Петра Белгородского¹¹, о котором источники в дальнейшем не упоминают.

Между тем, хотя кн. Даниилу Романовичу на правах сильнейшего на тот момент русского князя удалось поставить в Никее своего кандидата на митрополию, добиться легитимации своего главенства на Руси галицкому князю так и не удалось. К тому времени Батый уже фактически оформил статус великого князя Владимирского как верховного правителя Руси, зависимого от монголов. Это подтвердилось вскоре после смерти кн. Ярослава Всеволодовича, когда его сыновья Александр и Андрей Ярославичи в 1247 г. направились в ставку Батыя, а затем совершили поездку ко двору великого хана, в столицу Монгольской империи Каракорум¹². По итогам этого визита, завершившегося в 1249 г., кн. Андрей Ярославич стал великим князем Владимирским, а кн. Александр Ярославич получил ярлык на Киев «и всю Русьскую землю» (то есть Южную Русь) (ПСРЛ I, 1997, 472).

Таким образом, в условиях нового государственно-политического порядка, установленного на Руси монголами, кн. Даниил Романович для достижения своего главенства среди русских князей мог пойти только одним путем — начать борьбу с монголами, опираясь на поддержку католического Запада. Фактически кн. Даниил Галицкий перехватил повестку у погибшего кн. Михаила Черниговского. Освобождение от власти монголов при помощи Запада становится политическим приоритетом для галицкого князя, вероятно, уже к 1246 г., несмотря на то что осенью 1245 г. он посетил ставку Батыя и признал свою зависимость от правителя Улуса Джучи (ПСРЛ II, 1998, 807).

Тем не менее, приезд кн. Даниила Романовича к Батыю, вероятно, был призван лишь усыпить бдительность монголов, так как уже в 1246 г. галицкий князь начинает переговоры с папским Римом. Осенью 1245 г. по пути в Монголию Западную Русь посетил эмиссар папы Иннокентия IV Джованни дель Плано Карпини, который встретился с братом кн. Даниила Галицкого кн. Василько Романовичем Волынским и передал ему папскую грамоту с призывом к церковному единству (Плано Карпини, 1957, 67). Весной 1246 г. в донских степях Плано Карпини увиделся с самим кн. Даниилом Романовичем, возвращавшимся из ставки Батыя (Плано Карпини, 1957, 81–82).

В 1246 — нач. 1248 гг. папа Иннокентий IV направил западнорусским князьям несколько булл (Тургенев, 1841, № 62; 63; 65; 67; 68; 69; 74; 76; 77; Большакова, 1976, 122–129; Матузова, Назарова, 2002, 356–359). 3 мая 1246 г. понтифик адресовал кн. Даниилу Романовичу первые послания, в которых именует его «королем Руси». Судя по всему, они стали ответом на письмо галицкого князя к папе, написанное им после

¹¹ На данное обстоятельство совершенно справедливо указывает Т. Р. Галимов [Галимов, 2019, 117].

¹² А. В. Майоров считает, что князья Александр и Андрей Ярославичи совершили поездку не в Каракорум, а в город Эмель, где в то время находилась ставка Огул-Гаймыш, вдовы великого хана Гуюка [Майоров, 2021, 5–24].

встречи с Плано Карпини [Майоров, 2015, 63–120]. Папа Иннокентий IV выражал свою радость по поводу желания князей Западной Руси перейти под власть Римского престола и обещал им свое покровительство. Папа Римский также извещал кн. Даниила Романовича о предстоящем приезде в его земли папского легата — Альберта II фон Зуербеера, архиепископа Прусского, Ливонского и Эстляндского, а также двух монахов доминиканского ордена из Чехии — Алексея и его неназванного по имени собрата¹³. Однако остается неизвестным, приезжал ли архиеп. Альберт в пределы Галицко-Волынской Руси в качестве папского легата, или же реализовал свои полномочия только посредством обмена посланиями с западнорусскими князьями.

В июне 1247 г. Плано Карпини на обратном пути из Монголии вновь побывал в Западной Руси, задержавшись там в течение восьми дней. Францисканец еще раз встретился с кн. Даниилом и кн. Васильком Романовичами. По словам Плано Карпини, епископы и духовенство западных епархий Русской Церкви, расположенных на территории Галицко-Волынского княжества, якобы вместе с князьями подтвердили, что «желают иметь владыку папу своим отцом и господином, а святую Римскую церковь владычицей и учительницей» (Плано Карпини, 1957, 81).

Однако в этом свидетельстве Плано Карпини можно усомниться. Известно, что когда кнн. Даниил и Василько Романовичи направили к папе Римскому Иннокентию IV свое посольство, в его составе был лишь один православный священнослужитель — игум. Григорий¹⁴, которого сопровождали вышеупомянутые чешские доминиканцы и католический священник Хазелон (иначе Гецело или Гезель) из Вильсторфа (Hezelo de Vilstorf) (Тургенев, 1841, № 66; 75). При этом никакого послания к понтифику от лица православного духовенства Западной Руси посольство не привезло — с Плано Карпини папе было доставлено лишь письмо от имени князей Романовичей (Плано Карпини, 1957, 81).

Между тем можно утверждать, что никаких православных епископов в Западной Руси в то время вообще не было. Уже отмечалось, что епископы Галицкий и Перемышльский, уцелевшие после монгольского нашествия, были настроены оппозиционно по отношению к кн. Даниилу Галицкому. После победы кн. Даниила в битве под Ярославом летом 1245 г. (а возможно, и ранее) они, скорее всего, были им полностью устранены со своих кафедр и изгнаны. Епископ Иоасаф Угровский, как уже отмечалось, к тому времени был низложен. Упомянутый в ряде дореволюционных справочных церковных изданий, но не известный по источникам еп. Василий Владимиро-Волынский не может быть признан достоверной фигурой¹⁵ — скорее всего, епископ Владимира на Волыни погиб вместе с жителями города во время его жесточайшего штурма монголами (ПСРЛ II, 1998, 786; 788). Существование Луцкой епископской кафедры в 1240-е гг. не может считаться доказанным фактом¹⁶. В то же время, Кирилл II только лишь в кон. 1246 г. направился через Венгрию в Никею на поставление митрополитом, которое не могло состояться ранее 1247 г. Соответственно, митр. Кирилл вернулся на Русь не ранее кон. 1247 г. Соответственно, к лету 1247 г. он еще не мог заместить западнорусские епископские кафедры новыми иерархами, угодными кн. Даниилу Романовичу.

¹³ Предположительно это был доминиканец Генрих, будущий епископ Ятвяжский [Майоров, 2015, 63–120].

¹⁴ Возможно, это был игумен Зимненского Святогорского монастыря близ Владимира-Волынского [Домбровский, 2006, 118–125] или же игумен монастыря св. Даниила близ Угровска [Майоров, 2015, 63–120].

¹⁵ Свидетельства о еп. Василии восходят к латинскому списку владими́ро-во́лыньских епископов из библиотеки униатской Перемышльской епархии, датируемому XVIII в. [Петрушевич, 1853, 145, прим.], который не может быть признан достоверным источником.

¹⁶ Несмотря на то, что Е. Е. Голубинский относил появление Луцкой епархии к 1230-м гг. [Голубинский, 1901, 700], что в дальнейшем было принято Я. Н. Щаповым и А. Поппэ [Щапов, 1989, 54; Поппэ, 1996, 467], следует отметить, что впервые Луцкая епископия упоминается в источниках под 1288 г. (ПСРЛ II, 1998, 926).

Косвенно об отсутствии в Западной Руси православного епископата и о том, что местное духовенство не проявляло склонности к унии с Римом, может свидетельствовать содержание булл папы Иннокентия IV, направленных галицко-волинским князьям. Уже сам факт назначения архиеп. Альберта папским легатом на территории Галицко-Волинской Руси и предоставления ему широчайших полномочий говорит о том, что собственных епископов, признавших над собой юрисдикцию папы Римского, там не было. Кроме того, разрешая перешедшему в юрисдикцию Рима западнорусскому духовенству совершать богослужение на квасном хлебе и сохранять другие греческие богослужebные обряды и обычаи, папа также предоставил архиеп. Альберту право диспенсации, разрешив совершать хиротонии лиц, имевших канонические препятствия к рукоположению в священный сан. Папа Иннокентий IV также предоставил архиеп. Альберту полномочия назначать на Русь епископов преимущественно из числа доминиканских и францисканских монахов, а также представителей других римско-католических орденов (Тургенев, 1841, № 61; 66). Все это говорит о том, что большинство православного духовенства Западной Руси не желало признавать папскую юрисдикцию и повлиять на них было особенно трудно в условиях отсутствия епископов.

Таким образом, переговоры с папой Римским проходили от лица кнн. Даниила и Василька Романовичей, но не епископов Западной Руси. Поскольку митр. Кирилл II уехал в Венгрию осенью 1246 г. и вернулся из Никеи на Русь лишь к кон. 1247 или даже в нач. 1248 г., сам он определенно также не участвовал в переговорах с папой. Послания папы Иннокентия IV от 3 мая 1246 г. стали ответом на письмо кн. Даниила к понтифику, которое тот отправил после встречи с Плано Карпини. Это произошло не позднее марта 1246 г., а значит, письмо к папе было написано лично кн. Даниилом в донских степях, до его возвращения домой. Следовательно, митр. Кирилл не мог иметь отношения к этому шагу своего князя — сведений о том, что он сопровождал кн. Даниила Романовича в его поездке к Батью, нет. Однако и после своего возвращения на Русь из Никеи митр. Кирилл не присоединился (по крайней мере, открыто) к диалогу галицко-волинских князей с Римским престолом — ни один из сохранившихся источников об этом не сообщает.

В то же время обращение за поставлением Кирилла на митрополию в Никею, к патриарху Константинопольскому, а не к папе Римскому, как можно было бы ожидать в свете переговоров кн. Даниила Галицкого с Иннокентием IV, могло иметь несколько причин. Прежде всего, подобный шаг лежал в русле канонической традиции Русской Церкви, что должно было не только избавить митр. Кирилла от опасности оказаться непризнанным в большинстве епархий Русской Церкви, но и гарантировать кн. Даниилу, что ее епископы через подчинение митр. Кириллу будут подтверждены политическому влиянию галицкого князя. Кроме того, поставление митр. Кирилла в Никее давало кн. Даниилу Романовичу пространство для маневра в его отношениях с папой Римским.

Впрочем, не исключено, что «римские» контакты кн. Даниила и поставление Кирилла на митрополию — события взаимосвязанные, если принять во внимание рассматривавшийся в Никее в то же самое время проект унии с Римом.

В российской историографии издавна укрепилось и до сих пор сохраняет популярность мнение о том, что именно контакты кн. Даниила Романовича с главой Католической Церкви, о которых стало известно Русскому митрополиту, явились причиной ухудшения отношений митр. Кирилла II с галицким князем, что в итоге и определило переход предстоятеля Русской Церкви на сторону св. кн. Александра Невского, настроенного антилатински [Карташев, 1993, 292; Жаворонков, 1982, 81–89; Творогов, 1987, 225–227; Соколов, 2010, 3–8]. Между тем известно, что осенью 1246 г. будущий митр. Кирилл приезжал в качестве представителя кн. Даниила Галицкого в Венгрию, где способствовал заключению уже упомянутого военно-политического союза между кн. Даниилом Романовичем и королем Белой IV, скрепленного браком между сыном кн. Даниила Львом и дочерью короля Белы Констанцией (ПСРЛ II, 1998,

809). Как известно, по условиям договора между венгерским королем и галицким князем Констанция осталась католической [Назаренко и др., 2005, 322–328] и впоследствии, в 1674 г., даже была беатифицирована Католической Церковью [Ostrowski, 2011, 13–33]. Очевидно, что в случае, если бы митр. Кирилл II был настроен резко антикатолически, он вряд ли бы способствовал заключению этого династического брака.

Кроме того, поставление митр. Кирилла II на Русскую митрополичью кафедру в Никее в 1247 г., как уже было сказано, совпало по времени с попыткой привлечь Никейскую империю к унии с Римом. К этому времени никейский император Иоанн III Ватац заключил союз с императором «Священной Римской империи» Фридрихом II Гогенштауфеном, который, по обыкновению, был скреплен династическим браком: в 1244 г. Иоанн III женился на дочери Фридриха Констанции, перешедшей в православие с именем Анна. Союз Фридриха и Иоанна был направлен против Латинской империи. Германский император видел в ней незаконное образование, конкурирующее с его собственной империей, воспринимаемой Фридрихом в качестве прямой преемницы Древнего Рима. Кроме того, латинские императоры напрямую зависели от главного врага Фридриха — папы Римского. Союз Иоанна III Ватаца и Фридриха II Гогенштауфена весьма беспокоил папу Иннокентия IV, который на Лионском Соборе летом 1245 г. объявил германского императора низложенным, указав в числе его прегрешений союз с «греческими раскольниками». Стремясь разрушить союз между никейским и германским императорами, папа Иннокентий попытался склонить Иоанна Ватаца к унии с Римом. Взамен понтифик обещал вернуть византийцам Константинополь. В том же 1247 г., когда в Никею прибыл на поставление на Русскую митрополию Кирилл II, туда приехал в качестве посла папы Иннокентия монах-францисканец Лаврентий, который провел переговоры об унии с патриархом Константинопольским Мануилом II. Известно, что в Никее предложение папы Римского вызвало интерес, хотя союз Иоанна Ватаца и Фридриха Гогенштауфена при этом так и не был разрушен. В конечном счете переговоры об унии затянулись — они продолжались вплоть до кон. 1254 г., когда их окончательно прервала почти одновременная кончина Иоанна Ватаца и папы Иннокентия IV [Майоров, 2011, 143–156].

Безусловно, во время пребывания в Никее митр. Кирилл II не мог не узнать о переговорах об унии, которые вел с папским посланцем патр. Мануил II. Однако это не помешало ставленнику кн. Даниила Галицкого получить поставление на Русскую митрополию от потенциального униатского патриарха Константинопольского.

После возвращения на Русь митр. Кирилл, вероятно, поначалу находился при своем покровителе — кн. Данииле Романовиче, хотя летописных сообщений об этом не сохранилось. Судя по всему, в это время контакты галицкого князя с Римом у предстоятеля Русской Церкви негативной реакции не вызывали.

Значительные перемены в положении Русского митрополита произошли после того, как в 1249 г. кн. Андрей Ярославич по воле монголов стал великим князем Владимирским, а кн. Александр Ярославич получил киевский престол. Можно думать, что подобная конфигурация верховной княжеской власти, созданная монголами, подразумевала своего рода дуумвират владимирского и киевского князей, который позволял поработителям Руси, с одной стороны, создать достаточную степень централизованного порядка, необходимого для эксплуатации завоеванной страны, а с другой — не давал возможности чрезмерно усилиться ни одному из князей-соправителей.

После того как братья-Ярославичи сели на владимирский и киевский престолы, перед митр. Кириллом II возникла дилемма: либо оставаться при своем прозападном покровителе кн. Данииле Галицком с риском лишиться возможности распространить свою первосвятительскую власть на остальную часть Руси, подвластную монголам, либо установить отношения с промонгольским дуумвиратом Ярославичей, но при этом потерять поддержку кн. Даниила Романовича, ведущего с монголами борьбу.

Митрополит Кирилл попытался реализовать одновременно обе возможности — наладить контакты с сыновьями кн. Ярослава Всеволодовича и в то же время сохранить отношения с кн. Даниилом Романовичем. Причем можно думать, что митр. Кирилл делал это не просто с согласия галицкого князя — скорее всего, это был замысел самого кн. Даниила Романовича, целью которого было перетянуть братьев Ярославичей на свою сторону и убедить их примкнуть к тому антимонгольскому военному союзу, который намеревался сформировать под своей эгидой папа Иннокентий IV.

Не только кн. Даниил Галицкий, но и сам папа Иннокентий IV пытался подключить к этой коалиции св. кн. Александра Невского, к которому, как известно, также как и к галицко-волынским князьям, понтифик обращался в 1248 г. с двумя посланиями (Матузова, Назарова, 2002, 262–272). Примечательно, что в первой грамоте, датированной 23 января 1248 г., папа обращается к св. кн. Александру как «герцогу Суздальскому» («Duci Susdaliensi»), тогда как во второй именуется его «сиятельным королем Новгорода» («Illustri Regi Novgardiae»). При этом обращение папы именно к св. кн. Александру Ярославичу, а не к его брату кн. Андрею, может свидетельствовать о том, что св. кн. Александр Невский как киевский князь был или, по крайней мере, представлялся главным в дуумвирате Ярославичей. Хотя, возможно, это было лишь следствием большей известности св. кн. Александра Ярославича на Западе после его побед над крестоносцами, или же папа по инерции воспринимал Киевский титул св. кн. Александра как указание на его старейшинство.

Впрочем, обращение папы Иннокентия IV к кн. Даниилу Галицкому как к «королю Руси» свидетельствует о том, что понтифик употреблял по отношению к русским князьям довольно условную титулатуру. Не исключено, что королевское достоинство при этом прилагалось к тем из русских князей, кого Иннокентий IV мог условно считать присоединившимся к Римской Церкви и получившими королевский титул именно от папы Римского. Об этом может свидетельствовать тот факт, что в первом послании к св. кн. Александру Невскому папа Иннокентий IV лишь уговаривает «герцога Суздальского» присоединиться к Римской Церкви, тогда как во втором говорит об этом как о якобы свершившемся факте.

Однако, хотя А. В. Майоров считает возможным утверждать, что св. кн. Александр Ярославич признал главенство папы Римского [Майоров, 2021, 5–24], думается, что для подобного вывода нет убедительных оснований. Сам папа Иннокентий IV в послании к св. кн. Александру отмечал, что узнал от своего легата архиепископа Прусского Альберта, что князь *«преданно искал и прозорливо обрел путь, который позволит... весьма легко и весьма быстро достичь врат райских»* (Матузова, Назарова, 2002, 269). Сама эта витиеватая формулировка, употребленная в послании папы Римского вместо однозначного признания перехода русского князя в лоно Римской Церкви, говорит об отсутствии у понтифика полной уверенности в произошедшем. Также в послании отмечается, что св. кн. Александр Ярославич разрешил построить в Пскове *«соборный храм для латинян»*, что, возможно, и было ошибочно воспринято папой Римским за свидетельство перехода князя в католичество.

Осенью 1250 г. митр. Кирилл II направился в пределы Владимирского княжества. Поездка предстоятеля Русской Церкви на Северо-Восток Руси, как видно из летописного сообщения, была связана с династическим браком: зимой 1250–1251 гг. митр. Кирилл II во Владимире совершил венчание вел. кн. Андрея Ярославича с дочерью кн. Даниила Галицкого (Анастасией или Устиньей) (ПСРЛ I, 1997, 472; ПСРЛ XXV, 1949, 141). Весной 1251 г. митр. Кирилл II впервые встретился со св. кн. Александром Невским в Великом Новгороде, куда митрополит прибыл в сопровождении епископа Ростовского Кирилла, чтобы 25 мая 1251 г. возглавить поставление нового архиепископа Новгородского Далмата (ПСРЛ I, 1997, 472п; ПСРЛ XXV, 1949, 141).

А. Е. Мусин считает, что в 1250 г. «резиденция Киевского митрополита естественным образом вслед за государственной властью de facto переместилась из Галича во Владимир», для чего, по его мнению, имелись веские канонические основания, предполагающие, что предстоятель Церкви должен находиться там, где располагается

реальный центр светской власти [Мусин, 2008, 359]. Однако канонической нормой, которая могла в данном конкретном случае послужить основанием для переезда митр. Кирилла II во Владимир на Клязьме, могло быть только 28-е правило IV Вселенского (Халкидонского) Собора, который обосновывал первенство Константинопольской кафедры ее столичным статусом города «царя и синклита». Но данный канонический принцип может быть применим (да и то с существенными оговорками) лишь к автокефальной Поместной Церкви, каковой Русская митрополия в то время не являлась. Кроме того, на тот момент еще не было абсолютно никакой определенности в вопросе, что считать «реальным центром светской власти» на Руси и в ком видеть ее носителя.

Думается, нельзя однозначно утверждать, что митр. Кирилл направился во Владимир на Клязьме и остался там по той причине, что там находился политический центр Руси или даже хотя бы той ее части, которая определенно перешла под протекторат монголов. Прежде всего, неясно, какого князя в данном случае в то время можно было считать верховным — владимирского или киевского (в пользу последнего может свидетельствовать поездка митр. Кирилла в Новгород к св. кн. Александру Ярославичу), или же, что наиболее вероятно, обоих. Скорее всего, митр. Кирилл первоначально приехал во Владимир только в связи с заключением брака кн. Андрея Ярославича с «Даниловной».

Между тем имеются веские основания считать, что первоначально митр. Кирилл II действовал в Северо-Восточной Руси как проводник политики кн. Даниила Галицкого, с чем и была связана его задержка во Владимире и посещение Новгорода. Судя по всему, именно митр. Кирилл пытался убедить кнн. Андрея и Александра Ярославичей вступить в союз с кн. Даниилом Галицким, поскольку именно после его приезда в пределы Владимиро-Суздальской Руси происходит стремительная трансформация политической позиции кн. Андрея Ярославича (возможно, на владимирского князя также оказала влияние и его супруга — дочь кн. Даниила Галицкого), который вскоре, подобно своему тестю, также стал строить иллюзорные планы освобождения Руси от монгольского ига.

Как известно, монголы незамедлительно приняли меры против сменившего свой политический курс кн. Андрея Ярославича: в 1252 г. во Владимирское княжество пришла карательная «Неврюева рать». Русское войско, которым командовали кн. Андрей Ярославич Владимирский и его младший брат кн. Ярослав Ярославич Тверской, было разгромлено монголами под Переславлем-Залесским. Потерпевшие поражение князья, спасая свои головы, бежали в Великий Новгород, откуда кн. Андрей Ярославич вскоре вместе с супругой отплыл в Швецию. Святой князь Александр Невский после «Неврюевой рати» получил ярлык на великое княжение Владимирское и теперь уже единоличное старейшинство над всеми русскими князьями (ПСРЛ I, 1997, 473; ПСРЛ XXV, 1949, 141–142).

В сложившейся ситуации митр. Кирилл II вновь должен был выбирать, с кем из русских князей связать свою дальнейшую судьбу. Остаться с кн. Даниилом Галицким означало для него неизбежную потерю юрисдикции над большей частью Руси, контролируемой монголами. Но и в случае закрепления юрисдикции папы Римского над Западной Русью статус митр. Кирилла также мог подвергнуться со стороны понтифика существенной коррекции в сторону сужения его митрополичьих прав, особенно при наличии в Галицко-Волынском княжестве специального папского легата. Кроме того, весьма туманными были и дальнейшие политические перспективы самого кн. Даниила Романовича, теснимого монголами и так и не получившего существенной помощи от Запада.

Напротив, политический союз со св. кн. Александром Невским давал митр. Кириллу возможность остаться полноправным предстоятелем Русской Церкви. Пережив печальный опыт «Неврюевой рати», митрополит хоть и с опозданием, но все же осознал, вслед за св. кн. Александром Ярославичем, что разгромленная и разобценная Русь не в силах бороться с монголами и должна выстраивать

как свои отношения с Улусом Джучи, так и свой внутренний порядок исходя из перспективы долговременной зависимости от иноземных поработителей. Трезвое понимание этого факта и стало, как представляется, главной причиной того, что лишь после трагических событий 1252 г. митр. Кирилл сделал свой политический и религиозный выбор, однозначно связав свою дальнейшую судьбу со св. кн. Александром Невским и «Суздальской» Русью. При этом Киевский титул св. кн. Александра Ярославича давал ему для этого формальный повод (но, очевидно, не был прямой причиной такого шага). Соответственно, подобный выбор подразумевал полный отказ Русского митрополита от контактов с католическим Западом, которых он прежде был не чужд.

Судя по всему, именно для того, чтобы предельно четко обозначить предпринятую им «смену вех» и послать об этом максимально четкий сигнал, митр. Кирилл и устроил в 1252 г. великому князю Киевскому и Владимирскому Александру Ярославичу, возвратившемуся из ставки Батыя, так впечатлившую современников грандиозную встречу у Золотых ворот во Владимире на Клязьме. Митрополит Кирилл вышел навстречу св. кн. Александру «*съ кресты*» вместе с местным духовенством, боярами и горожанами, после чего возглавил в Успенском соборе торжественную церемонию восшествия св. кн. Александра на великокняжеский престол (ПСРЛ I, 1997, 473; ПСРЛ XXV, 1949, 142).

Источники и литература

Источники

1. Большакова (1976) — *Большакова С. А.* Папские послания галицкому князю как исторический источник // Древнейшие государства на территории СССР. 1975 год. М., 1976. С. 122–129.
2. Матузова (1979) — *Матузова В. И.* Английские средневековые источники IX–XIII вв. Тексты, перевод, комментарий. М., 1979.
3. Матузова, Назарова (2002) — *Матузова В. И., Назарова Е. Л.* Крестоносцы и Русь. Конец XII в. — 1270 г. М., 2002.
4. НПЛ (1950) — Новгородская Первая летопись. М.; Л., 1950.
5. Плато Карпини (1957) — *Плато Карпини дель Дж.* История монгалов // Путешествия в восточные страны Плато Карпини и Рубрука. М., 1957.
6. ПСРЛ I (1997) — Полное собрание русских летописей. М., 1997. Т. 1.
7. ПСРЛ II (1998) — Полное собрание русских летописей. М., 1998. Т. 2.
8. ПСРЛ V (1) (2003) — Полное собрание русских летописей. М., 2003. Т. 5. Вып. 1.
9. ПСРЛ V (2) (2000) — Полное собрание русских летописей. М., 2000. Т. 5. Вып. 2.
10. ПСРЛ XV (2000) — Полное собрание русских летописей. М., 2000. Т. 15.
11. ПСРЛ XVI (2000) — Полное собрание русских летописей. М., 2000. Т. 16.
12. ПСРЛ XXV (1949) — Полное собрание русских летописей. М.; Л., 1949. Т. 25.
13. Тургенев (1841) — Акты исторические, относящиеся к России, извлеченные из иностранных архивов и библиотек А. И. Тургеневым = *Historica Russiae Monumenta*. СПб., 1841. Т. 1.

Литература

14. Воротынцев, Галимов (2023) — *Воротынцев Л. В., Галимов Т. Р.* «Нужная смерть» великого князя: к вопросу о причинах и обстоятельствах кончины Ярослава Всеволодовича осенью 1246 г. // Золотоордынское обозрение. 2023. Т. 11. № 3. С. 562–581.
15. Галимов (2019) — *Галимов Т. Р.* Киевские митрополиты между Русью и Ордой (вторая половина XIII в.). Казань, 2019.

16. Голубинский (1901) — *Голубинский Е. Е.* История Русской Церкви. М., 1901. Т. 1. Ч. 1.
17. Горский (2006) — *Горский А. А.* Гибель Михаила Черниговского в контексте первых контактов русских князей с Ордой // Средневековая Русь. 2006. Вып. 6. С. 138–154.
18. Домбровский (2006) — *Домбровский Д.* Даниил Романович // Православная энциклопедия. М., 2006. Т. 14. С. 118–125.
19. Жаворонков (1982) — *Жаворонков П. И.* Никейская империя и княжества Древней Руси // Византийский Временник. 1982. Т. 43 (68). С. 81–89.
20. Карташев (1991) — *Карташев А. В.* Очерки по истории Русской Церкви. М., 1991. Т. 1.
21. Кузьмин, Преображенский (2016) — *Кузьмин А. В., Преображенский А. С.* Михаил Всеволодович // Православная энциклопедия. М., 2017. Т. 45. С. 706–725.
22. Луховицкий (2016) — *Луховицкий Л. В.* Мануил II // Православная энциклопедия. М., 2016. Т. 43. С. 386–387.
23. Майоров (2011) — *Майоров А. В.* Коронация Даниила Галицкого: Никея и Рим во внешней политике галицко-волинских князей // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2011. № 1 (9). С. 143–156.
24. Майоров (2015) — *Майоров А. В.* Послания римского папы Иннокентия IV к Даниилу Галицкому: материалы для историко-археографического комментария // *Rossica Antiqua*. 2015. № 1. С. 63–120.
25. Майоров (2021) — *Майоров А. В.* Александр Невский, римский папа и монгольский хан: к вопросу о «выборе» между Западом и Востоком // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2021. № 4 (86). С. 5–24.
26. Мусин (2008) — *Мусин А. Е.* Древнерусское общество, епископат и каноническое право в XII–XIV вв. // *Miscellanea Slavica: Сб. статей к 70-летию Б. А. Успенского*. М., 2008. С. 341–361.
27. Назаренко и др. (2005) — *Назаренко А. В., Флоря Б. Н., Турилов А. А.* Галицкая епархия // Православная энциклопедия. М., 2005. Т. 10. С. 322–328.
28. Назаренко (2015) — *Назаренко А. В.* Архиепископы в Русской Церкви домонгольского времени // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2015. № 4 (62). С. 67–76.
29. Паславский (2013) — *Паславский И. В.* Галицкий епископ Петро — ставленник і дипломат Данила Романовича // Український історичний журнал. 2013. № 5. С. 75–87.
30. Пашуто (1950) — *Пашуто В. Т.* Очерки по истории Галицко-Волинской Руси. М., 1950.
31. Пашуто (1968) — *Пашуто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968.
32. Петрушевич (1853) — *Петрушевич А. С.* О соборной Богородицкой церкви и святителях в Галиче // Галицкий исторический сборник. Львов, 1853. Вып. 1. С. 51–147.
33. Печников и др. (2015) — *Печников М. В., Пидгайко В. Г., Баранова С. И., Мерзлютина Н. А.* Крутицкая кафедра // Православная энциклопедия. М., 2015. Т. 39. С. 66–86.
34. Пидгайко (2010) — *Пидгайко В. Г.* Иоасаф, 1-й еп. Угровский // Православная энциклопедия. М., 2010. Т. 25. С. 185–186.
35. Поппэ (1996) — *Поппэ А.* Митрополиты и князья Киевской Руси // *Подкарпатськи Г. Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237 гг.)*. СПб., 1996. С. 443–497.
36. Приселков (1996) — *Приселков М. Д.* История русского летописания XI–XV вв. СПб., 1996.
37. Рамм (1959) — *Рамм Б. Я.* Папство и Русь в X–XV веках. М.; Л., 1959.
38. Селларт (2011) — *Селларт А.* Архиепископ Петр и Лионский собор 1245 года // *Rossica Antiqua*. 2011. № 1. С. 100–113.
39. Соколов (1913) — *Соколов П. П.* Русский архиерей из Византии и право его назначения до начала XV в. Киев, 1913.
40. Соколов (2006) — *Соколов Р. А.* Обстоятельства поставления первого русского по происхождению митрополита Кирилла // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2: История. 2006. № 4. С. 3–7.
41. Соколов (2010) — *Соколов Р. А.* Александр Невский и митрополит Кирилл // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2: История. 2010. Вып. 3. С. 3–8.
42. Творогов (1987) — *Творогов О. В.* Кирилл, митрополит Киевский // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1: XI — первая половина XIV в. Л., 1987. С. 225–227.

43. Толочко (1990) — *Толочко О. П.* Петро Акеревич, гаданий митрополит всея Русі // Український історичний журнал. Київ, 1990. № 6. С. 45–54.
44. *Томашевский (1927) — Томашівський С. Предтеча* Ісідора, Петро Акеревич, незнаний митрополит руський (1241–1245) // *Analecta ordinis s. Basilii Magni*. Записки чина св. Василія Великого. Жовква, 1927. Т. 2. Вип. 3–4. С. 221–313.
45. Флоря, Климкова (2014) — *Флоря Б. Н., Климкова А. А.* Кирилл II, митр. Киевский // *Православная энциклопедия*. М., 2014. Т. 34. С. 547–551.
46. Шапов (1989) — *Шапов Я. Н.* Государство и Церковь Древней Руси X–XIII вв. М., 1989.
47. Шапов, Беляев (2002) — *Шапов Я. Н., Беляев Л. А.* Белгородская епархия Киевской митрополии // *Православная энциклопедия*. М., 2002. Т. 4. С. 505–506.
48. Darrouzes (1981) — *Darrouzes J.* Notitiae episcopatum Ecclesiae Constantinopolitanae. Paris, 1981.
49. Ostrowski (2011) — *Ostrowski J. K.* Kościół p. w. Św. Jana Chrzciciela // *Kościół i klasztory rzymskokatolickie dawnego województwa ruskiego*. Kraków: Międzynarodowe Centrum Kultury w Krakowie, 2011. Т. 19. S. 13–33.
50. Ruotsala (2001) — *Ruotsala A.* Europeans and Mongols in the Middle of the Thirteenth Century. Encountering the Other. *Suomalaisen Tiedeakatemia Toimituksia, Humaniora*, nide 314. Helsinki, 2001.
51. Stökl (1966) — *Stökl G.* Kanzler und Metropolit // *Wiener Archiv für Geschichte des Slawentums und Osteuropas*. 1966. Bd. 5. S. 150–174.